

¹ О «церкви» Мережковских см.: *Гиппиус З.* О Бывшем // Возрождение. [Париж], 1970. № 218. С.57–75; № 219. С.52–70; № 220. С. 53–75 (Публ. Т. Пахмусс); *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 89–164; в предисловии Т. Пахмусс к публикации писем З. Гиппиус к Д. Философому в кн.: *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus: Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972. С.59–60; *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–114; Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

² См.: *Гиппиус З.Н.* The Prayer Book [Молитвенник] // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. С. 713–770; Молитвенная книга Зинаиды Гиппиус / Публ. Т. Пахмусс // Новый Журнал. [Нью-Йорк], 2004. № 234 (март). С. 142–167.

³ В молитвенной книге З. Гиппиус, опубликованной Т. Пахмусс, имеются поправки и вставки рукою Мережковского, Т. Гиппиус и Философова.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА О ВОЙНЕ

Губернский город – «лицом к войне»

*На материале газетных публикаций
1914–1915 гг.*

Губернский город – это Ярославль, а материалом послужили номера газеты «Голос» за указанный в названии период. Издавался «Голос» с 1909 г. Его учредителями были К.Ф. Некрасов¹ и Н.П. Дружинин², либералы по убеждениям, члены I Государственной думы от партии кадетов. Одна из самых демократичных в крае, газета к 1914 г. приобрела заслуженный моральный авторитет у горожан, была известна в северных губерниях, имела хорошую подписку. Откликаясь на зов времени, она вносила значительный вклад в просвещение народных масс и воспитание социальной отзывчивости у интеллигенции.

Наша задача – показать (насколько позволяют рамки статьи, не претендуя на исчерпанность) характер вызванной войной общественной деятельности горожан, роль газеты в ее организации, осмыслении и оценке.

Выступая в определенный отрезок времени в качестве редактора, Н.П. Дружинин был одновременно и активно действующим журналистом, вел в «Голосе» рубрику «Отклики», содержащую развернутые комментарии к наиболее значимым событиям мировой и отечественной жизни, включая жизнь города. К.Ф. Некрасов, отдававший много сил и времени делам собственного книгоиздательства, не бывший к тому же профессиональным журналистом, выступал на страницах газеты редко, что называется, «по случаю».

Такой неординарный случай, когда, казалось, нельзя молчать, представился ему в связи с началом русско-германской войны. Страницы июльских и августовских газет 1914 г. убеждают: Ярославль, как и вся Россия, жил «на нерве»; с утра до вечера кипела уличная жизнь, все ждали известий, штурмовали газет-

чиков – газеты брали нарасхват. «...Мы полны нового томленья Под шорох утренних газет», – отзовется стихами на происшедшее Н.С. Ашукин³, бывший тогда секретарем «Книгоиздательства К.Ф. Некрасова» и писавший для «Голоса» [2].

22 июля (4 авг.) 1914 г. «Голос» опубликовал Высочайший манифест, Объявление о военном положении и Обращение к русской армии и народу (населению), подписанное Николаем II. Здесь же был предъявлен в виде развернутых цитат обзор столичных газет, с которыми и прежде сотрудничал ярославский «Голос». «Русские ведомости», «Русское слово», «Раннее утро», «Утро России» и «Голос Москвы» были единодушны в оценках события и призывах:

«Вставай же, великий русский народ! История зовет тебя совершить... подвиг, перед которым бледнеет все, что когда-либо видел мир. Мы должны бороться не только за свою честь, попранное право и справедливость, но и за самое существование как государства и народа <...>, за светлое будущее всего человечества, за уничтожение чудовищного гнезда милитаризма и освобождение великого немецкого народа...»;

«...“Худой мир лучше доброй ссоры”, – твердит пословица <русского> народа, характеру которого всегда органически были противны и шовинизм, и националистическое самохвальство. Но под “худым” миром мы никогда не подразумевали мира, который сохраняется “во что бы то ни стало”, “несмотря ни на что”. Такой мир <...> сменяется борьбой на “полях чести”. Не мы ее вызывали, и не мы будем радоваться этой борьбе, но в полном сознании неисчислимых жертв, которых она потребует <...>, мы вступили в нее в надежде “не посрамить земли русской”» [14, с. 2].

Высказывания, по ситуации, крайне риторичны: война была свершившимся фактом, а публицистические «мы» и «русские» призваны сделать читателя безусловным сторонником официальной политики государства. Тому же способствовали исторические реминисценции, которых не избежал и К.Ф. Некрасов, выразивший свою позицию в статье «Единая Россия», набранной на первой полосе того же номера. Мысленно апеллируя к «малодушным голосам» (им не было предоставлено места на страницах газеты),

указывающим на неготовность России к войне, пишущий утверждал: «Именно так и только так могла и должна была поступить Россия! <...> Уже нет живых свидетелей той героической войны, которую вели наши деды 100 лет тому назад. Но я не ошибусь, сказав, что внутренняя сосредоточенная решимость, серьезность и глубина сознания важности исторического момента – те же, что были в 12-м году» [13, с. 1].

В патристическом порыве Некрасов говорил о значении единения всех партий перед лицом угрозы государственности, о цементирующей силе любви к Родине, о могуществе народа-воина, выступившего за отечество и веру. Эту последнюю мысль Некрасов утверждал как наиболее важную, она станет камертоном ярославского «Голоса».

Тема Польши, где быстро разворачивались военные действия, займет особое положение, и представлять ее будет В.Я. Брюсов, с которым Некрасов был связан деловыми и дружескими отношениями. 26 июля (8 авг.) на третьей газетной полосе, в разделе «Ярославская жизнь», выделялось набранное жирным шрифтом объявление: «Известный писатель Вал. Я. Брюсов, отправляющийся на театр военных действий, вчера телеграфно уведомил нашу редакцию, что он изъявляет согласие быть корреспондентом “Голоса” с театра войны» [15, с. 2].

Конечно, это было большой удачей для провинциальной газеты, не имевшей права посылать собственных корреспондентов в действующую армию [12, с. 34]. Брюсов ехал на фронт представителем «Русских ведомостей».

Начиная с 31 августа (13 сент.) 1914 г. объемные, иногда многочастные корреспонденции Брюсова печатались в «литературном» подвале на второй и третьей страницах «Голоса»⁴. Они являлись результатом поездок, совершаемых поэтом в прифронтовую зону и освобожденные районы Польши и Галиции, и стали потрясающими воображение иллюстрациями к скучным строчкам информационных сообщений, или «депеш», печатавшихся в газете и содержащих всю доступную правду о войне. В «Голосе» они подавались под рубрикой «Война в Европе», «Мировая война» или «Отголоски войны», «Дневник войны».

Брюсов был щепетилен в подаче материала, старался опираться на собственные впечатления или проверенные факты из рассказов очевидцев, оговаривал сомнительные, не мог и не хотел (общая тенденция пишущих о войне в ее начале) избежать страшных картин увиденного, но и не нагнетал намеренно ужасов. Его зарисовки были «живописны». В интервью московской газете во время своего короткого пребывания дома зимой 1915 г., отстаивая право военного наблюдателя на откровенность, подчеркнул, что «публика не может довольствоваться» сообщениями штаба Верховного главнокомандующего, что «читателю хочется иметь наряду с фактом – картины! Знать те условия, в которых живет армия, ясно представлять себе, как происходит разведка, бой, что такое окопы, обстрел аэропланов и т. д.» [1, с. 150–151].

Газета не только в целом и в имеющихся подробностях информировала горожан о ходе войны, но и стимулировала, поощряла их благотворительную деятельность. Этому способствовали также выступления на страницах «Голоса» хорошо известных ярославцам людей⁵.

Назовем кн. Е. Трубецкого, в одной из первых своих статей провозгласившего помощь Польше, которую он называл «русской Бельгией», «народным делом», заострявшего внимание на пропагандистских и организаторских возможностях газеты [20, с. 3]. Он сам прочитал в Ярославском губернском земстве при необычайном подъеме переполнившей зал публики лекцию на тему «Национальный вопрос, Константинополь и святая София». Выступление носило не только политический, но и культурно-просветительский характер и импонировало собравшимся тем, что говорящий в своих рассуждениях обращался к иконописным сокровищам Ярославля [17, с. 2].

Прерогативой земца Д.И. Шаховского были хозяйственные вопросы. «Голос» публиковал специально для него написанные и перепечатанные из других газет статьи кн. Шаховского «Общеземская организация», «Мобилизация хозяйства», «Земский союз». Но было и такие, где говорилось о необходимости делать политические выводы из опыта войны [23, с. 1]. Задача этих публикаций – вскрыть общественные резервы, чтобы приспособиться к войне,

предупредить возможные общественные катаклизмы, поддержать дух воюющих.

О настроении, духе бойцов читатели «Голоса» узнавали из иных материалов, не менее для них важных, – писем с фронта. Обращения солдат, судя по опубликованным отзывам ярославцев, производили должное впечатление и стремление к соучастию. Примером может послужить письмо студента Демидовского лицея, «подпрапорщика Н.А.», к своему профессору:

«Сиюю сейчас в окопе. Моя рота в сторожевом охранении. Ночью ожидается нападение <...>. Сейчас нас обстреливают <...>. Через наши головы летят также снаряды нашей артиллерии. Их шум и вой веселят наше сердце.

Сиюю и думаю о том, что было бы без этой войны. Вспомнилась одна из Ваших лекций <...>. Мое глубокое желание по окончании войны приехать в Ярославль и осенью сдать экзамены. Мы ведь думаем, что война скоро кончится, и на масленицу я уже буду в Ярославле.

О том, что все переживаемые ужасы мы тут оправдываем <высокой целью>, писать не буду. Там, в России, все это, наверное, вылилось в яркие звучные формы. Мы же мало рассуждаем и думаем об этом. Заботы текущего дня, опасности и напряжение <...> подавляют мысль о великом <...> [16, с. 3].

Говорилось также о том, что «вести» (контекст позволяет думать, что речь идет о газетах и письмах близких) не доходят до передовых позиций. Мы не знаем, когда и как изменилась эта ситуация, но мы знаем наверняка, что к масленице подпрапорщик Н.А. не вернулся домой.

Война становилась затяжной, и мысль о «великом» была потеснена мыслью о «добром»: город помогал пострадавшим от войны, поддерживал воюющих. Не последнюю роль играли дети. Они писали, слали на фронт незамысловатые подарки и получали ответы. «Голос» набрасывал на обнародованный диалог не свойственный пишущим публицистический флер: «...Школьники делают адресатами писем. И еще каких писем! Самых дорогих – из действующей армии. “У нас, Миша, – пишет солдатик, – мясо 35 копеек фунт, а табак – полтинник четверка, а французская бул-

ка 20 копеек. Я твой табачок получил и курю. Опиши, как у вас?» И Миша пишет, серьезно, вдумчиво, старательно. Делом своим Миша гордится. Маленький Миша чувствует себя гражданином» [18, с. 3].

Конечно, цитатами из солдатских писем не только инкрустировался авторский текст – они воспроизводились полностью, иногда сопровождалась благодарностью, адресованной родителям и редакции газеты. Например, было опубликовано письмо, полученное Васей, Володей, Колей, Леной и Милочкой Латышевыми из села Великое, что под Ярославлем. От лица группы солдат писал И.С. Какорский:

«С высоких Карпат, из-под стен грозного Перемышля, где свистят пули и поют гранаты свои зауспокойные песни, а смерть как призрак, стоит со своей страшной неумолимой косой, – и вот из такого страшного ада-боя мы, солдатики... роты... полка, шлем вам, дорогие и добрые детки, свои почтения и кланяемся до самой матушки-земли, и горячо благодарим...» [19, с. 3–4].

Дальше по просьбе детей И.С. Какорский описывает солдатскую жизнь и необычный праздник Рождества в окопе. И если начало письма носит лубочный характер, то вторая часть – неплохо оформленный, достаточно пространственный рассказ. Но речь сейчас не о возможном «литературном» вмешательстве: даже если диалог был поощряемой и контролируемой газетой акцией, он не вызывал сомнения в искренности обеих сторон.

Письма дополняли воспроизведенные в газете устные рассказы осевших в Ярославле или бывших здесь проездом беженцев, раненых, пленных. Еще раз подчеркнем, что маленькие и простенькие (возможно, намеренно упрощенные) эти картинки не терялись рядом с изображением частностей войны известными авторами. Например, не раз печатались «Голосом» высказывания об увиденном в зоне боевых действий Александрой Львовной Толстой, бывшей там с санитарным поездом Всероссийского земского союза в качестве сестры милосердия. Она говорила о прекрасном оборудовании поезда, самоотверженной работе санитаров, «одушевленных любовью к ближнему», о раненых, среди которых встречались и немцы, об отношении к русским местного населе-

ния. Жителям прилегающих к фронту местностей она представлялась так: «Я дочь Толстого. Он был против войны» [5, с. 1; 21, с. 1].

Единый газетный текст о войне имел и метатекстовые элементы в виде отсылок-объявлений о демонстрируемых в «электро-театре» кинофрагментах: «На месте военных действий», «В окопах», «Атака», «Места после боя», «Под русскими знаменами (Вторая отечественная война 1914–1915)», «Снимки с натуры: награждение за храбрость» и других [22, с. 1].

Голоса разной общественной силы, политического регистра и стилистической тональности, сливаясь, создавали общий публицистический посыл, у которого были свои вдохновители. Кроме уже названных выше, ярко представал на страницах «Голоса» П.Н. Милуков, лидер партии кадетов. Его лекция «Война и европейская интеллигенция», напечатанная газетой, еще не фиксировала, а только предупреждала изменения в настроении общества. Целью ее были политическое просвещение и агитация, а задач две: *охарактеризовать* связанные с войной настроения интеллигенции и *указать*, в каком направлении должно развиваться отношение к войне, какие желания относительно ее исхода «диктуются лучшими упованиями и всем символом веры прогрессивного авангарда <...> общества» [3, с. 2]. Опубликованный отрывок содержал объяснение и оправдание войны, призванной стать последней.

Комментатором «Голоса», как уже было сказано, выступал Н Дружинин. Приведем его мнение, высказанное в разное время, прямо адресованное жителям Ярославля и в определенной степени ими обусловленное:

«Два с половиной месяца длится война. Она потребовала уже от сражающихся громадных жертв, но оттого стала еще ожесточенней. Нужно, чтобы страна сохранила свойственное ей величие, ведь война разворачивается в российских пределах. Требуется еще больше усилий общества, направленных на поддержание нормальной жизни, народного хозяйства, на удовлетворение нужд армии, на предоставление раненым героям всего необходимого, на устройство бесчисленных семей, которые несут жертвы» [8, с. 2];

«Не ослабевает патриотическое настроение, идет глубже: война сделалась народной. Блестящий успех второго сбора вещей,

помощь раненым, пожертвования и другие благотворительные акции...» [9, с. 1].

Уже в январских номерах газеты 1915 г. он, в соответствии с общим настроением, фиксирует внимание читателей на тяготах войны и противоправных действиях немцев, которые без обиняков называет зверствами, противопоставляя нравственной стойкости русских на фронте и в тылу [10, с. 1].

«Отклики» Дружинина легко коррелировали не только с позицией названных выше общественных предводителей, но и с мнением тех авторов «Голоса», предметом внимания которых была собственно городская жизнь. Возьмем опубликованную на исходе 1914 г. статью без подписи (ничто не мешает отнести ее к числу редакционных) «Война и культурные задачи», которая позволяет не только актуализировать отдельные установки, но и подвести итог сделанному горожанами в первый год войны: денежные сборы и работа в лазаретах, агрономическая помощь деревне; борьба с беспризорностью и борьба за трезвость; внедрение начал образованности, распространение знаний через лекции, книги и журналы; обеспечение селян газетами, а раненых и пленных книгами, культурное попечительство в виде концертов и спектаклей, частью благотворительных. Статья заканчивалась эффектным призывом и известными строчками Н.А. Некрасова:

«Никто не должен отказываться от общественной работы! Пусть никто не смущается размерами своих сил, не отговаривается непривычкой к общественной деятельности: общественные выступления не для всех, но собрать книги, газеты, деньги и вещи для беженцев и семей запасных, их детям-сиротам, прислать в редакцию интересные письма с фронта могут все.

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...» [4, с. 1].

Повторим доказываемый нами тезис: газета искала и находила пути и способы консолидации усилий всего населения губернии в борьбе с все увеличивающимися тяготами войны, подчеркивала ответственную роль интеллигенции и учащейся молодежи в этой борьбе, выступала ее организатором.

Как известно, уже к концу первого года войны общественное настроение стало меняться, единства, о котором говорили публицисты, не было, отношение к войне превратилось в одну из главных проблем. Газета в качестве субъекта общественного дискурса также претерпевала существенные изменения. Ее голосу стали свойственны критические ноты:

«Сейчас многие – конечно, не на передовых позициях – жалуются на усталость от “продолжительной войны”, отворачивают свой нос от газет с “депешами” <...>, притворяются влюбленными в кроткую гуманность, которая от них ничего не требует и позволяет спать спокойно. Это – плохо, это – голос бессилия...» [11, с. 2].

Конкретные наблюдения и выводы, однако, требуют продолжения исследования.

Литература

1. Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2006.
2. Ашукин Н. Современники // Голос. 1914. № 202. 3(16) сент.
3. Война и европейская интеллигенция (Из «Рус. ведом.») // Голос. 1915. № 16. 21 янв. (3 февр.).
4. Война и культурные задачи: (О частном почине в культурной работе) // Голос. 1914. № 284. 11(25) дек.
5. В санитарном поезде // Голос. 1914. № 271. 25 нояб. (8 дек.).
6. Встреча праздников в окопах // Голос. 1915. № 20. 25 янв. (7 февр.).
7. Гущина Е.В. Биографический сборник Демидовского университета / Е.В. Гущина, Д.К. Морозов, Ю.Г. Салова. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2008.
8. Дружинин Н. Величие среди испытаний // Голос. 1914. № 229. 5(18) окт.
9. Дружинин Н. Война и народ // Голос. 1914. № 287. 14(28) дек.
10. Дружинин Н. Немецкие зверства // Голос. 1915. № 11. 15(28) янв.
11. Л. Андреев о войне // Голос. 1915. № 34. 12(25) февр.
12. Махотина С.Я. Время и пресса (1890-е – 1918 гг.) // Махотина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Наука–Флинта, 2004. С. 7–37.
13. Некрасов К. Единая Россия // Голос. 1914. № 167. 22 июля (4 авг.).

14. Обзор печати (об объявлении войны Германией) // Голос. 1914. № 167. 22 июля (4 авг.).
15. [Объявление о согласии В.Я. Брюсова сотрудничать с «Голосом»] // Голос. 1914. № 171. 26 июля (8 авг.).
16. О войне (из частного письма) // Голос. 1914. № 244. 23 окт. (5 нояб.).
17. Отклик на лекцию кн. Трубецкого [«Национальный вопрос, Константинополь и святая София»], прочитанную в зале губернского земства 14 декабря // Голос. 1915. № 13. 17(30) янв.
18. Радость школьников // Голос. 1915. № 19 24 янв. (6 февр.).
19. Рождественская елка в окопах // Голос. 1915. № 23. 29 янв. (10 февр.)
20. *Трубецкой Е.Н.* Русское народное дело // Голос. 1914. № 236. 14 (27) окт.
21. У А.Л. Толстой // Голос. 1914. № 248. 28 окт. (10 нояб.).
22. [Художественный электротئاتр] // Голос. 1914. № 283. 10(24) дек.
23. *Шаховской Д.И.* «Путь к победе» или «Потрясенный народ» // Голос. 1915. № 155. 9(22) июля.

¹ Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – племянник Н.А. Некрасова (сын его младшего брата), бывший земский деятель.

² Николай Петрович Дружинин (1858–1941) – сотрудник местных и столичных изданий, автор многих книг по крестьянскому вопросу.

³ Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) – библиограф, литературовед (автор фундаментальных трудов о жизни и творчестве Н.А. Некрасова и В.Я. Брюсова).

⁴ Всего их 13. Еще две были перепечатками из «Русских ведомостей». Сведения о них содержатся в статье «В.Я. Брюсов – военный корреспондент ярославского “Голоса”» этого же сборника.

⁵ Д.И. Шаховской, земский деятель, публицист, один из лидеров партии кадетов, в 1908–1912 гг. жил и работал в Ярославской губернии; Е.Н. Трубецкой после окончания юридического факультета в Московском университете преподавал в должности приват-доцента в Демидовском юридическом лицее (1886–1897). В интересующие нас годы был профессором Московского университета [7, с.201].

Влияние прессы на общественные настроения провинции в период Первой мировой войны

По материалам центральных губерний Европейской России

В период Первой мировой войны отмечался всеобщий интерес населения к военным событиям. Ведь только к августу 1914 г. было мобилизовано почти 4 млн, а до конца года – более 6,5 млн чел. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., средний процент взятых в армию по 50 губерниям России составлял 47,4 % от числа трудоспособных мужчин. Современники отмечали: «Все интересуются исключительно обстоятельствами войны и с живым интересом читают все газеты, описывающие подробно военные действия» (ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 305. Л. 71–71 об). На улице всегда можно было видеть кучки народа, читающего расклеенные газеты, телеграфные бюллетени о военных событиях. Особенно многолюдно было в базарные дни, когда приезжие крестьяне собирались вокруг какого-нибудь грамотного односельчанина и слушали фронтовые известия (КК. 29. VIII. 1915. № 96). Газеты раскупались за 1–2 часа. К примеру, в один из дней августа 1915 г. в Калуге прошел слух, что пали Дарданеллы, осаждаемые союзными войсками. Современник писал: «Известие это чрезвычайно всех взволновало и обрадовало. В городе только и разговоров было, что о взятии Дарданелл. Все поздравляли друг друга с радостным событием. Чтобы проверить слух, все с нетерпением ждали утренних телеграмм и газет, которые покупались нарасхват. Но там о взятии Дарданелл ничего не было сказано...» (КК. 13. VIII. 1915. № 89). Настроение населения несколько понизилось, все стали ждать вечерних газет.

По заключению местной административной власти, к военным действиям у населения наблюдался «глубокий интерес и